

СМЕРШ —
спецназ Сталина

ЧЕКИСТЫ

Александр Тамоников

Спецназ Берии

Александр Тамоников

Чекисты

«ЭКСМО»

2020

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Тамоников А. А.

Чекисты / А. А. Тамоников — «Эксмо», 2020 — (Спецназ
Берии)

ISBN 978-5-04-113198-2

Капитан НКВД Ермолай Ремизов – беспощадный борец с врагами Родины. На счету его опергруппы десятки раскрытых дел: ликвидация белогвардейских недобитков, поимка иностранных шпионов и троцкистских приспешников. Из надежных источников Ремизов получает сигнал о готовящейся диверсии на заводе «Пролетарский дизель». Завод является флагманом своей отрасли, и любое ЧП на нем станет серьезной политической акцией. Нужно срочно выявить диверсантов. Но как? Неожиданно среди персонала капитан замечает нового инженера, очень похожего на его знакомого еще со времен Гражданской войны...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-113198-2

© Тамоников А. А., 2020
© Эксмо, 2020

Содержание

Часть первая. Кулаки	6
Глава 1	6
Глава 2	9
Глава 3	11
Глава 4	13
Глава 5	16
Глава 6	20
Глава 7	22
Глава 8	25
Глава 9	29
Глава 10	33
Глава 11	35
Глава 12	38
Глава 13	40
Конец ознакомительного фрагмента.	42

Александр Тамоников

Чекисты

© Рясной И.В., 2020

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2020

Часть первая. Кулаки

Глава 1

Это была кровавая сшибка двух конных волн казаков, которых Гражданская война развела по разные стороны линии фронта. Может, среди них были и родичи, знакомцы, кто-то вместе воевал в Первую мировую. И теперь все они жаждали одного – убить врага, растоптать. Клинком возвысить свою правду.

Я был хорошим наездником. Но когда мы сошлись, жуткая сила выбила меня из седла. Шашка упала в грязь. И я только успевал уворачиваться от копыт, грозивших втоптать меня в степную сухую почву.

Дело даже не в том, что это было страшно. Просто я ощущал себя щепкой, которую несет водопад. Ржание коней вокруг, выстрелы. Мелькают копыта. Падают лошади и люди. Брызжет кровь. И я не могу сделать ничего, потому что барабан револьвера опустел. Голова ходит ходуном. По шее льется кровь. Слаб я, мне нечего противопоставить этому потоку.

Надо мной, осадив лошадь и приподнявшись в седле, навис огромный казак. Он поднял шашку. И я осознал, что отвоевался – меня сейчас разрубят пополам.

А потом стальная молния клинка снесла казака. И красный командир Фадей Селиверстов заорал:

– Не зевай!

Он выстрелил в еще одного противника. И каким-то чудом вытащил меня из свары.

Этот жестокий бой, где я остался жив силой провидения да крепкими рукой и словом Фадея, мне снился уже который год. И во сне, как тогда наяву, острыми когтями меня царапало ощущение собственной беспомощности. Вот оно опять навалилось и прошло. И меня повлекло по радужной волне. Пришло спокойствие. А потом я вздрогнул и очнулся.

Отсутствовал в этом мире каких-то пару минут. Изможденный вечной бессонницей и нервным напряжением, прямо за рабочим столом я отключился, провалился в текучее марево, где жили образы прошлого. И где страх всегда сменялся вольным покоем.

Я потерял виски, возвращаясь на твердую землю. И поймал на себе сочувствующий взгляд Фадея. Это фигура из моего прошлого, которую я будто вытащил из нахлынувших сонных воспоминаний в настоящее.

Конечно, никуда я его не вытаскивал. Он со мной всю мою сознательную жизнь. Вон, устроился на стуле напротив меня, смотрит с сочувствием и тревогой. Невысокий, массивный, с широченными могучими плечами. С Гражданской войны его лицо сильно округлилось, лоб прорезала глубокая морщина, а на поседевшей голове появились обширные залысины. А выдающийся нос картошкой остался все тем же. И глаза все такие же ярко-синие, умные, но уже далеко не такие задорные, а больше ироничные.

Фадей был одет в безукоризненно отутюженную военную форму. По две шпалы в каждой малиновой петлице. Бывший казачий десятник, разведчик-красноармеец, сегодня он старший лейтенант госбезопасности и мой заместитель.

Ну а мой гражданский пиджак ни о чем не говорит. Я ведь капитан госбезопасности, заместитель начальника областного Управления НКВД и одновременно начальник Управления государственной безопасности. Только форму надеваю редко.

Я пододвинул к себе стопку утренних газет. «Известия» от 28 мая 1938 года. «Фашистские бомбардировщики в одиннадцатый раз атаковали испанский городок Фрагу»... «Мы дадим фашистам бой» – песня батальона имени Тельмана испанской республиканской армии.

Испания. Мои друзья бьются там в составе интербригад с фашистами. В основном с немцами – те всю пробуют силы в Европе. Испанские перспективы для нас неважные. Не приведи господи, если это репетиция большой войны...

Что еще? О как! Американский журнал «Тайм» признал канцлера Германии Адольфа Гитлера человеком года. За объединение немецкого народа – то есть за оккупацию в марте Австрии. Не рановато ли подсуетились? Год только начался...

– Совсем ты вымотался, – сочувственно произнес Фадей. – На ходу спишь. Тебе на рыбалку бы. Да поутру.

– Не томи душу, злыдень, – мечтательно вздохнул я, поскольку рыбалка была моим любимым и чаще недостижимым видом досуга. – А сам-то! Живешь на работе. Жена и дочка тебя не видят.

– Время такое, – вздохнул Фадей. – Тяжелое.

– Время, черти его деря. Время.

Время коварно – это да. Оно течет слишком быстро. И, как морская волна, выносит на берег щепки разбитых надежд и ожиданий.

Вон, вспомнить двадцатый год. Жили мы безоглядно, на всю катушку, не боялись ни смерти, ни бога, ни черта. Готовы были сложить буйные головушки за светлое будущее, которое совсем рядом. Главное – выгнать интервентов и эксплуататоров. И будет всем счастье. Вот оно, то светлое будущее. Теперь я усталый и угрюмый. С ноющими старыми ранами. И живу в тени тезиса о нарастании классовой борьбы с развитием социализма. То есть дальше врагов народа будет все больше. Значит, больше работы мне, карающей длани советского государства...

Я пододвинул к себе кипу папок. Вот она, классовая борьба – во всей красе. В материалах агентурных дел. В приговорах Троек. В бессонных ночах и тягостных сомнениях – а не снится ли мне все это? Нет, не снилось.

– Ну, так что там с «путейцами»? – возобновил я прерванный разговор.

– Все на мази, – расплылся в широкой доброй улыбке Фадей. – Народец в предвкушении и доволен. Сегодня пойдут на дело.

– Агенту доверяешь?

– Как себе.

– Поверим на слово. – Я постучал пальцами по столу – он у меня старорежимный, от царских чиновников, массивный, с резными тумбами, покрытый синим сукном. – Кого берем на мероприятие?

– Вот, – Фадей протянул мне папку с планом под грифом «Секретно». Там все – расстановка личного состава, места дислокации и задачи. Сигналы. Схемы. Сделано идеально и продумано до мелочей. Мой заместитель большой мастер планов и бумажек.

Я одобрительно хмыкнул:

– Дельно!

Тут дверь распахнулась. Без стука и звука. Начальственный обход.

Высокий, статный, седой майор государственной безопасности Гаевский уже третий год держал в своих руках штурвал нашего корабля. И привычек не менял – любил лично обходить дозором свои владения. Входил обычно без стука. Интересовался по-отечески делами. Пожимал руки. Напутствовал. Таким образом хотел держать все под неусыпным контролем.

У всех свои чудачества. Не страшно. Руководителем он был в целом терпимым, если не обращать внимания на некоторые опасные моменты. Не злопамятный, тактичный, хотя порой язвительный, а иногда выходящий из себя. Полная противоположность прошлому начальнику – черноморскому матросу, из тех, которые одно время выбивались в руководство ВЧК. У того через два цензурных слова звучало десять матюгов, да еще вечный трубный рев на подчиненных, хватание за именную маузер, пожалованный Дзержинским.

За начальником УНКВД как хвост тащился в вечно мятом кителе, со щетиной, невысокий, длиннорукий, худощавый, с жиденькими волосами, неопределенного возраста – от двадцати пяти до пятидесяти, Ефим Грац. Это наш начальник временной специальной следственной группы. Пламенный и бестолковый оратор, известный факир – в его руках как по волшебству из пустоты возникали троцкистские группы и антисоветские подполья.

– Как, товарищи, работается? – по-отечески спросил Гаевский, окидывая глазами кабинет и останавливая взор на плане мероприятий.

– Готовим операцию, товарищ майор, – отчеканил я. – Агентурное дело «Путейцы». Источник внедрен в банду, занимающуюся хищениями железнодорожных грузов. Сегодня на заводском тупичке преступники намерены подогнать грузовик и распотрошить пару вагонов. Есть шанс взять их с поличным.

Гаевский недовольно поморщился:

– Вы подменяете милицию.

– Это грузы военного назначения, – возразил я. – Нельзя всякой шпане давать возможность запустать загребушую руку в сокровищницу РККА.

– У РККА нет сокровищниц. Есть военные склады, – начал нудить Грац и звучно шмыгнул носом. Он все время шмыгал носом, что сводило на нет пафос речей.

– Не придирайтесь, Ефим Давидович, – снисходительно улыбнулся Гаевский. – Эта словесная витиеватость у Ермолая Платоновича после командировок на сказочный Восток, то есть в Среднюю Азию... Работайте, товарищи. С богом не скажу, поскольку он существо мифическое. Но удачи пожелаю.

И пожал нам руки. Ну просто отец солдатам...

Глава 2

Как же здесь тесно! Ноги не вытянешь. Фадей, шутник, засунул своего начальника в закуток чуть просторнее собачьей будки на крыше брошенного кирпичного ремонтного корпуса. Специально, что ли, чтобы не задавался? Но он инициатор операции. Ему все карты в руки.

Наша засада обосновалась на железнодорожных путях, отходящих от «Пролетарского дизеля». Во время строительства завода здесь был крупный перевалочный пункт стройматериалов, техники и оборудования. Теперь остались разъездные пути, частично брошенные складские и административные строения. Раньше здесь кипела жизнь. Сейчас отстаиваются вагоны под загрузку или после таковой.

Воришкам здесь как медом намазано. Площадь большая, так что охранники ВОХР не успевают уследить за всем. А бывало, что и сами участвовали в разворовывании грузов.

Обычно расхитители работают по мелочам. Но только не шайка вора в законе по кличке Перс. Эти тащили по-крупному. Даже грузовик-полуторку по случаю достали – один из бандитов шоферил на базе снабжения Потребкооперации.

Ох, нога затекла. Тесно, душно. И пыльно. Все время чихнуть хочется, но нельзя. И черная железнодорожная тужурка давит – размер маловат. И майская ночь выдалась прохладная.

Сам Фадей пристроился в старом административном здании. Оно комфортнее. А еще там отличный наблюдательный пункт. Оттуда он и подаст сигнал на задержание.

Надо отдать должное моему заместителю – расставил бойцов он так, что шансов скрыться у бандитов практически нет. Все перекрыто. Лишь бы пришли. Лишь бы их никто не спугнул. Лишь бы злодеи нас не заметили раньше времени, палить не начали и кого из сотрудников не заделали бы.

Чего гадать? Боевая операция – это всегда неопределенность и случайность. А случай может завести куда угодно. Так что нечего мандражировать. Нервы еще пригодятся.

Вагон будут потрошить метрах в тридцати справа от меня. Начнется у ребят дельце. Потащат они ящики. А тут я, как ангел небесный, с крыши! И отовсюду бойцы лезут – кто в форме, кто в партикулярном платье. Красота! Лишь бы воры пришли на представление!

Я сегодня простой боец. Мое присутствие совсем не обязательно. Но тянет старого кавалериста на подвиги. Не упускаю случая вырваться из бумажной клетки докладных, рапортов, отчетов и планов. Однако дело не только в этом. На таких мероприятиях обязательно накопишь что-то ценное. Кусочек информации, не хватающей до полной картины. Ниточку, за которую можно потянуть. Настроения людей. Это пульс жизни города. И, как руководитель НКВД, я обязан его ощущать.

Бандиты идут на дело не в первый раз. Сначала подломили продовольственный магазин в Затурском районе. Потом кассу в заготконторе в Синих Озерах. И теперь решили поживиться здесь. Получили наводку, что хороший груз пойдет.

Эшелон воинский. И от греха подальше охрану мы сняли. Рисковать красноармейцами нельзя. Подручные Перса в Озерах оглушили охранника. А в продмаге накололи на нож двоих – люди едва выжили. Сейчас душегубы решили не останавливаться перед убийством. У одного обрез. У главаря револьвер и любимая финка.

Чтобы снять караул, пришлось выдержать настоящую словесную баталию с военными, гарантировать им целостность имущества – дорогостоящих запчастей для техники. Для чего это железо бандитам? Значит, имели каналы сбыта.

Железнодорожный военный комендант заверял:

– Наш боец уложит любого диверсанта. А вы мне про какую-то шпану.

– Нам нужно их с поличным взять. Ничего с грузом не случится. Там наши ребята в каждой будке и канаве.

– Под вашу ответственность!

– Под нашу, – кивнул я. – Нам не привыкать.

В общем, сняли караул. Всех посторонних во избежание неприятностей убрали подальше. Только плакат со светящимися лампочками не успели повесить: «Добро пожаловать, люди хорошие. Грабьте».

Время уж за полночь, судя по фосфоресцирующим в темноте стрелкам моих командирских часов. Ну и где ты, Перс? Где твоя воровская удасть?

Я чуть не впал в дрему, обхватив зябко плечи руками. Вздрыгнул, когда услышал голоса. Как молния мелькнуло в сознании: «Они!»

Затаив дыхание, прислушался к скрежету взламываемых замков. К негромким веселым матюгам. Шум отодвигаемой вагонной двери. Звук мотора – это они полторку прямо к путям подогнали, чтобы не напрягаться. Вот наглые!

Хлопок выстрела... Это Фадей напомнил о себе. И дал отмашку на задержание.

И тут же вопли:

– Стоять! НКВД!

Взмыли вверх осветительные ракеты. Не как днем стало, конечно, но супостата рассмотреть и отличить от своего теперь можно.

Я выскочил из своего укрытия, сжимая наган. Черт, еле ноги двигаются. Окаменел там. Но времени терять нельзя.

Взревел мотор. Хлопнула винтовка. Двигатель грузовика заглох. Отлично, полторку тормознули!

С края крыши я увидел бегущего внизу тщедушного человека. Был он передо мной как на ладони. А резко он улепетывает. И никакой реакции на грозные крики в его адрес:

– Стой! Стреляю!

Если правый фланг в суете оголили, может и уйти. Ну а я на что?

Описывать мой мыслительный процесс – это долго. На самом деле все происходило в движении, за считанные секунды.

С двухметровой высоты я спрыгнул на землю, прямо перед бандитом, с криком:

– Стой!

Хотел сбить его на лету, но не рассчитал.

На миг мы очутились друг напротив друга. Низкорослый, юркий противник злобно щерится. Типичная уголовная шваль. И рефлекс у него подлый сработал. Выкинул руку из-за пазухи. Мелькнуло лезвие. Для блатного финка, как пудреница для институтки, – всегда должна быть под рукой и готова к употреблению. И лезвие должно быть не только заточено как бритва, но и помножено на твердую решимость пустить его в дело.

Решимость была. И устремилась стальная смерть прямо мне в живот. Нож в ближнем бою не хуже пистолета. Пропорет мою черную железнодорожную тужурку с медными пуговицами в два ряда, войдет в плоть. А я выстрелить не успеваю!

Каким-то чудом я, матерый гимнаст, изогнулся и отскочил, избежав ранения. Но следующее движение ножа меня достанет!

Бандит подался вперед, чтобы пронзить меня вторым выпадом. И тут я засветил ему рукояткой револьвера по голове.

Треск. Стук падающего тела. Готов. Можно не проверять. Лишь бы очухался. Мне с ним еще поговорить надо.

Отовсюду слышались крики. Ругань. Характерные звуки пересчета ребер. И еще пара выстрелов. Операция двигалась к финалу...

Глава 3

– Не хочешь жить как человек, – укоризненно произнес я, глядя на тщедушного Перса, который недавно пытался пощекотать меня финкой.

Это такой продукт воровской селекции – мелкий, изможденно худой. Со злобным оскалом, обнажающим металлические фиксы. С бойким язычком и наглостью, перемежаемой со страхом за свою шкуру.

Пятерых задержанных мы отвезли в Управление. Теперь они дают показания в комнатах для допросов. Шестой, тяжелораненый, – в больнице. Вряд ли выживет, но не жалко. Нечего за обрез хвататься. Теперь, главное, не сболтнуть о незавидном состоянии его здоровья участникам шайки. Узнают, что их кореш готов отправиться к чертям на сковородку, тут же станут все на мертвого валить.

– Да я и живу как человек, а не как овца, – вор потрогал окровавленную повязку на голове – хорошо я его приложил, аж на душе тепло. – Это овцы с работы домой и обратно. И ждут, когда их стричь будут.

– Так и запишем. Трудовой народ, по мнению рецидивиста Сахарова, – это тупые овцы.

– Гражданин начальник, – урка поежился, вспомнив, что он не в родной для него милиции, а в госбезопасности, где длинный язык и до расстрельной стены доведет. – Это же поэтическое сравнение. Это я так!

– Поэт, значит. Ну и какой стих сложишь о своей преступной деятельности?

– Черт попутал. После последней ходки – ни-ни. А тут пацаны местные говорят – пошли, поможешь груз на путях перетащить. Не знал, что крадут.

– Чего?!

– Ну ладно. Предполагал. Признаю вину. Оформляйте чистуху. И на Север. ГУЛАГ – родной дом для вора.

– Эка ты разогнался. Дельце у тебя не первое. Да еще с покушением на мокруху. Но даже не в этом сермяжная суть. Эшелон военный. Поэтому преступление у тебя государственное. И покушение на жизнь сотрудника НКВД при исполнении добавь.

– Так я же не знал! Вы, гражданин начальник, в робе были, а не в форме!

– Так тебе кричали.

– Ну а я не слышал!

– Это ты тройке при областном НКВД объяснишь. Если спросят. Но это вряд ли. Так что был честный вор, а стал контрреволюционный элемент. И попрощаюсь я с тобой, Перс, навсегда.

Вор стал белый, как накрахмаленная простыня. И судорожно сглотнул:

– Но это неправильно! Не по совести!

– Все правильно. Ты ни народу, ни родным не нужен. Ты тля и паразит. А паразитов даже с собак вычесывают.

– Ну это... Я сотрудничать готов. Всех сдам. Мне никто не брат. Только не на тройку.

– Я слушаю.

Он начал выдавать что-то жалкое про корешей и малины, про скупщиков, кому толкал товар. Меня это не особо интересовало. Отправлю информацию милиции.

– Ты еще подумай, – сказал я и вызвал конвоира.

Вот же распоясались, твари уголовные. В первые годы советской власти их социально близкими именовали. Мол, тоже жертвы царизма. Как не станет эксплуататоров, так и воровать незачем будет. Эксплуататоров нет, а эти паразиты все так же норовят залезть в чужой карман и народ овцами величают. Да еще в ГУЛАГе свои законы заводят. Вот кого к стенке надо ставить. И изжить как класс.

Среди задержанных попалась пара человек, работавших на «Пролетарском дизеле» и сбитых Персом с пути истинного.

Один, тупой и здоровый, трудился в котельной. С детства шатался по колониям для беспризорников да тюрьмам. Советская власть ему работу дала, жилье, посчитала, что он человеком стал. И ошиблась.

Он смотрел на меня очумело и все долдонил:

– А я чего? А я ничего. Мне сказали идти – я и пошел. Хавку пообещали, денегжат. Говорят: вскрывай дверь на вагоне. Я и вскрыл. А чего?

Другой – ростом поменьше и умом пошустрее, фрезеровщик, из городских, сразу понял, куда дело идет, и чистосердечно признался. Понимая, что этого недостаточно, выдал:

– Тоже мне, нашли врагов народа. Вон, Богдан котел в цеху рванул в прошлом году. Говорит, это протест против неправильного коммунизма. Он, значит, за правильный коммунизм. Ну и дальше котлы будет взрывать.

– Кто рванул? – не поверил я своим ушам.

– А мне зачтется? Что я раскаялся и желаю принести пользу.

– Зачтется, не бойся. Жить будешь.

Фрезеровщик выдал все. Богдан Кирияк, слесарь из сборочного цеха. Скрытый террорист.

Получалось, на заводе «Пролетарский дизель» действует вполне реальная террористическая организация. И прошлогодний взрыв был не последним. Как я и предполагал...

Глава 4

– Нина Иосифовна, вы очаровательны как всегда, – польстил я секретарше начальника, отчаянно барабанившей по круглым клавишам массивной пишущей машинки.

Секретарша была сухощавой женщиной неопределенного возраста, не лишенной некоторого высокомерного женского вызова, выражавшегося в модном и дорогом оформлении себя любимой – тронутые кармином ярко-красные губы, фильдеперсовые чулочки, креп-жоржетовые платья. Для кого это делалось – непонятно. К мужчинам она относилась холодно и высокомерно, включая самого Гаевского, который таскал ее за собой с одного места службы на другое лет десять. Она была из тех суровых дев, что все обо всех знают, всеми пытаются крутить и искренне считают, что способны управлять конторой куда лучше руководителя – и не всегда это мнение безосновательно.

В ответ на комплимент я услышал строго-осуждающее:

– Опаздываете! Все уже на месте!

Я не опаздываю, а прихожу минута в минуту. Нет у меня обыкновения заявляться пораньше, дабы польстить начальству.

Кабинет был просторный, стандартный. Толстая красная ковровая дорожка. Огромный стол в форме буквы «Т» с телефонами – городским, внутренним и ВЧ, то есть высокочастотной спецсвязи. Массивные стулья с красными сиденьями и вырезанными на спинках звездами. Дубовые панели на стенах. Книжный шкаф. Портреты Сталина и Ленина – друг напротив друга, будто ведут бесконечный спор о праве наций на самоопределение.

Народ в сборе. Тут заместитель начальника по кадрам, главный тыловик, начальник Управления Рабоче-крестьянской милиции, руководитель отдела мобилизационной работы, начальники тюрем и пожарной охраны. И еще парочка особо приближенных. Людно, как на демонстрации. Ну так и ведомство у нас солидное.

Руководитель секретариата ведет протокол совещания. Все с секретными блокнотами и перьевыми ручками, преданно смотрят на начальника. Откуда у наших людей подобострастие к начальству? Я лично его лишен напрочь, поэтому всех глубин этого странного чувства, особенно в государстве рабочих и крестьян, постичь не в состоянии.

– Наконец-то, – укоризненно произнес майор госбезопасности Гаевский. – Только вас и ждем, Ермолай Платонович.

– Бессонная ночь, – развел я руками. – Взяли банду расхитителей железнодорожных грузов.

Я коротко доложил о результатах ночной операции. Воодушевления начальственного не увидел.

– Мельчим, товарищи. Мельчим, – Гаевский сурово сдвинул брови. – Настоящие бандиты – это наши лжесоратники. Они засели в партийных и советских органах. В райкоме. В исполкоме или на автобазе. А может, и у нас.

– Там интересная информация, – заявил я, прерывая его вечную песню о засевших везде врагах народа. – Возможно, ниточки потянутся к прошлогодним диверсионным актам на заводе.

– Которые признаны результатом халатного нарушения техники безопасности. Виновные наказаны, – привычно шмыгнув носом, выдал начальник специальной следственной группы Фима Грац.

– Это еще вопрос! – огрызнулся я. – А не проявили ли мы близорукость, желая быстрее спихнуть дело?

– Не стоит препираться, – примирительно махнул рукой Гаевский. – Доложите позже.

– Как только ситуация прояснится, – кивнул я, ругая себя за то, что поднял эту тему. Слишком тут много лишнего народа. Не удержался, бывает.

– И все равно, – продолжил начальник УНКВД. – От нас ждут другого. Если бы не усилия товарища Граца, пришлось бы перед Москвой краснеть.

Краснеть перед Москвой – да, это страшно. Эх, Гаевский. Он красиво и убедительно выступал перед рабочими коллективами. Всегда находил общий язык с трудовым народом. И, конечно же, был себе на уме – других в органах не держат. Я до конца его так и не расшифровал. Но многое из того, что он делал в последнее время, мне категорически не нравилось. Особенно опасное желание любой ценой отчитаться перед Наркоматом. Хотя у него работа такая. В чекистских делах он разбирался слабо, но это к лучшему. Достаточно, что в них разбираюсь я.

Я посмотрел на площадь за окном, по которой барабанил несколько часов не желающий утихать дождь. Когда-то здесь были трущобы. Но их расчистили, и получилась огромная площадь.

Друг напротив друга высятся два монументальных здания. УНКВД – это бывший доходный дом купцов Васильевых, где снимали углы приказчики, мелкие дворяне, чиновники, удачливые шлюхи. Здесь были просторные подвалы, отлично подошедшие для резиденции ГубЧК. А массивное, с колоннами и античным портиком здание обкома построили три года назад после реконструкции района. В центре площади на постаменте указывал трудящимся рукой верный путь бронзовый Ленин.

Обком и НКВД. Два основных центра власти. Тайная и явная...

Совещание продолжалось. Гаевский принялся за Граца.

– Ефим Давидович. Что у вас с университетским делом? Как там профессор Корниенко и его «литературоведы»? Когда будете заканчивать?

– Э-э, – многозначительно протянул Грац. – Рановато заканчивать. Там такие концы нащупываются. В Ленинград следы уходят.

– Если нужна помощь ленинградских товарищей – сразу обращайтесь. У нас с ними полное взаимопонимание... И понастойчивее.

– Железно! – гордо выпрямился Грац. – По-пролетарски так крепко выведем всех на чистую воду. Пусть знают, мне ни их пули, ни гранаты не страшны. Ни ранения!

Грац к месту и не к месту долдонил, что был ранен в боях со скрытой контрреволюцией – все не мог успокоиться по поводу злосчастной гранаты, которую в него швырнули в прошлом году на обыске. Даже кличку у несознательной части личного состава приобрел – Раненый.

Я же вспоминал о своих ранах, только когда они начинали ныть. На плече шрам от сабельного удара. На боку – зажившая дыра от деникинской пули. На спине остались шрамы от казацкого кнута. В ноге застрял осколок. Так, может, тоже начать жаловаться на каждом углу и вместе с Грацем организовать общество раненых, требуя дополнительный паек?

Начальник секретариата зачитал бумагу из Москвы об обострении внешнеполитической обстановки, внутривнутриполитической борьбы, о непримиримости к врагу и наращивании усилий. После чего мы разошлись по своим делам.

Меня мотало из стороны в сторону от недосыпания. Сотрудников, что участвовали в ночной операции, я отпустил отдыхать после того, как оформили задержанных и взяли показания. Дальше работа для прокурорских следователей.

Тройкой я бандитов просто пугал. У них обычная уголовщина, хотя и огребут они за свои дела по полной.

Надо не забыть черкнуть бумагу, чтобы тому фрезеровщику, который навел на вредителя на «Дизеле», закли помощь органам госбезопасности. Не то что я о нем забочусь – такую тварь шлепнуть рука не дрогнет. Но существуют железные правила. За сотрудничество полагается снисхождение. Начни обманывать, и люди перестанут идти на контакт с органами.

Только я устроился за своим начальственным столом, как на огонек мотыльком припорхнул Фадей.

– Ты железный? – спросил я. – Чего не отсыпaeшь?

– На том свете отоспимся. Дел неупророт.

– Еще одно подоспело, – хмыкнул я и расписал ему наводку на «Пролетарский дизель».

– Понятно было, что там вредительство идет. А зацепка хорошая. Поработаем, – Фадей азартно потер руки.

– Люди и время. Как же их не хватает. Только начинаешь что-то делать долгоиграющее, как тут же что-то обязательно случается. И опять – эскадрон, по коням.

– Это точно. Даже научно проверяемо. Антонина твоя может сделать математический анализ, – напомнил мне Фадей, что моя женщина – математик, что само по себе диво дивное.

– Да я и так знаю, что проблемы косяками ходят. Одна за другой.

Зазвонил телефон на столе. И Фадей с улыбкой выразительно посмотрел на него – вот, мол, сейчас и проверим гипотезу.

– Ремизов у аппарата, – гаркнул я.

– Это Рыбак, – обозначился псевдонимом агент. Судя по шуму в трубке, звонил он из телефона-автомата.

По примеру Москвы в нашем городе проходит активная телефонизация. В результате на улицах выросли мрачные, похожие на небольшие крепостные башни, телефонные будки с маленькими амбразурами окошек. Вещь, чрезвычайно полезная для экстренной связи агента с куратором.

– Сообщаю, что вчера враг и паскудник-фигурант Боров дома мешок золота запрятал, – забарабанил как пулемет – быстро и убийственно – мой агент Лопарь. – Это общие накопления их вредительской банды. Завтра эти лишенцы развезить собираются по тайным местам. Боятся обысков. Товарищ капитан, надо его за вымя шупать. Иначе упустим.

– Пошупаем, – заверил я и положил трубку.

Фадей усмехнулся, посмотрев на меня:

– Ну что, подтвердилась гипотеза?

– Подтвердилась. К Борову общую кассу свезли.

– У криминального элемента это называется общак.

– Этот самый общак они намерены из города завтра вывозить.

– Отлично! – расплылся Фадей в улыбке из разряда «кот и сметана». – И не надо наворованное искать. Сами все собрали.

По агентурному делу «Грызуны» в отношении руководства треста «Русский текстиль» и их партнеров мы работали давно и располагали раскладом на всю шайку. Заворовались ответственные товарищи знатно. И вот настала пора наведаться к основному фигуранту, – как его агент назвал, лишенцу и вредителю, – под псевдонимом Боров.

– Собирай бойцов, – сказал я Фадею. – Работаем по четырем адресам...

Глава 5

Что-то в нас есть от ночных хищников. После полуночи выходим на охоту и чувствуем себя лучше, чем днем. Так принято еще со славных времен ВЧК – все задержания и обыски при лунном свете. Или без него, но ночью. Это чтобы накрыть объекты разработки тепленькими, сонными, в гарантированном месте – и сразу обыск.

Так и живем. Ночью обыски. Утром – совещания и бумаги. Дома иногда неделями не бываю, благо, как у большого начальника, к кабинету примыкает небольшая комната отдыха, где есть скрипучая раскладушка. И даже санузел свой, так что можно не маячить перед сотрудниками и посетителями с зубной щеткой во рту.

Схема отлажена. Сбор перед выездом в моем кабинете. Разбивка по группам. Вручаю подписанные ордера на обыск и арест. Определяем порядок выдвижения, старших групп, транспорт. Едем работать по воровскому гнезду – тресту «Русский текстиль».

Опергруппа обычно выдвигается на легковой машине или специальном фургоне для перевозки арестованных, прозванными в народе «черными воронками». В последнее время эти наши машины вызывают ужас во всем городе, потому что зачастую люди, которых пригласили проехаться в них, домой не возвращались.

Первый час ночи. Город давно спит по патриархальным традициям и из-за отсутствия значных мест для загульной ночной жизни – чай, не Париж. Моя «эмка» урчит мотором. К Борову, он же директор треста Никола Свинолупенко, мы выдвигаемся втроем на одной машине.

Останавливаемся за квартал до «Боярского терема» – так прозвали в народе дом для номенклатуры. В Москве, как я знаю, прославился Дом на Набережной, специально отстроенный для расселения жившей прямо в Кремле партноменклатуры. Вот и у нас в городе возвели похожий огромный серый дом с кинотеатром и двумя магазинами. И, главное, с отдельными квартирами – от клетушек для начальства пожиже до барских хором матерых ответственных работников. Как и свой московский близнец, в последнее время «Терем» стал пользоваться дурной славой. Слишком много людей оттуда увез «воронок». Скоро там, как в английском замке, будут бродить призраки замученных совпартработников. Теперь суеверные руководители с административными возможностями отчаянно пытаются съехать из «Терема», благо солидного жилья в нашем купеческом городе хватает.

– Притормози, – велел я водителю.

«Терем» за поворотом. И незачем будить его обитателей звуками мотора.

Своих людей я всегда настраивал на боевой лад. Ведь не народной самодеятельностью занимаемся, пляшем и танцуем, а арестовываем людей, которых лишают всего. И они часто сами способны на все. Поэтому нельзя выставляться под окнами, чуть ли не сигнализируя: готовьтесь, мы приехали.

Взять, к примеру, специальную следственную группу. Вот кто любители заявиться в адрес с помпой, без оглядки и опаски. Тот же Грац всегда больше красовался, чем делал работу. А красоваться на таких мероприятиях – это много говорит о человеке. Пофыркивая, с удовольствием плескаться в горе окружающих – это умственное извращение. Я этого страшно не любил. А Грац наслаждался самим фактом своей власти над людьми, считая, что сама эта власть уже надежный щит. Ну и допрыгался.

Однажды, войдя в квартиру секретаря фабричного райкома ВКП(б), он привычно завел лекцию о врагах народа, неминуемой и справедливой их суровой ответственности перед страной и партией. Старый большевик, уличенный в саботаже решений Политбюро по очищению рядов, создавший у себя в районе убежище для троцкистской оппозиции, мрачно кивал. Потом грязно выругался. И рванул гранату, которая у него была привязана под столом.

Грацу сказочно повезло – взрывная волна прошла мимо. А вот двоим его сотрудникам – не очень. Один погиб на месте, вместе с секретарем райкома. Другой с тяжелыми ранениями был доставлен в госпиталь. Тогда начальник следственной группы, пребывавший в шоке, и помешался на своих боевых ранениях, а потом получил кличку Раненый.

Эх, головотяпы. Счастье того же Граца, что он не участвовал в арестах военных. Лихие командиры Гражданской войны вполне могли пальнуть по оперативной группе НКВД. Один знаменитый военачальник вообще выкатил на даче пулемет «Максим» и прижал очередями к земле опергруппу, приехавшую его арестовывать. Потом начал названивать по кремлевской АТС Сталину: «Иосиф Виссарионович! Ко мне враги народа лезут!» Тот приказал отозвать группу. Так и остался герой войны на свободе.

После случая с гранатой я строжайше приказал на мероприятиях действовать по инструкциям и максимально жестко. Не ломиться толпой в подъезд, а просачиваться по одному. Проникать в квартиру путем выбивания двери или под благовидным предлогом, а не вопить на лестничной площадке: «НКВД! Готовься, контра!» Действовать решительно, без сантиментов. «Всем встать!» И неважно – женщины, дети. Однажды жена арестованного глубоко порезала нашего сотрудника кухонным ножом. Так что: «Руки за голову!» Личный досмотр и быстрый осмотр квартиры на предмет колюще-режущего, стреляющего и взрывающегося. Потом уже разговоры по теме и тщательный обыск.

Окна нужной нам квартиры не горели. Спят жильцы после трудового дня.

Третий этаж. Массивная, аккуратная, обитая дерматином дверь с медной ручкой.

Давлю на звонок... Еще раз. За дверью шарканье тапочек. Настороженно-раздраженный хрип:

– Кто? Чего надо?

– Пакет. По мобилизационной разнарядке, – объявляю я.

Дело нередкое. Свинолупенко как руководитель областного звена находится в мобилизационных планах облвоенкомата. Военные время от времени устраивают учения и проверки. Особенно любят делать это по ночам, чтобы убедиться – человек бдит.

Что-то нечленораздельное донеслось, похожее на ругань. Дверь открылась.

Проем закрывал некогда широкий в кости, а ныне расплывшийся в жире до неприличия, недовольный хозяин в пушистом халате. Курчавые волосы, пышные усы и кабаньих взгляд человека, ищущего, на ком бы сорвать злость.

Ну, поехали. Вперед!

Вжимаем хозяина в стену.

– НКВД! Все остаются на местах!..

И вот вся семья в сборе. В просторной столовой за квадратным столом сидит Свинолупенко. Рядом его полноватая взъерошенная жена с вошедшими глубоко в полные пальцы бриллиантовыми кольцами, с которыми не расставалась даже ночью. Она тоже завернута в халат – шелковый, с лебедями и японскими иероглифами. Что-то пыталась верещать и возмущаться. Зря, с нами так себя не ведут.

– Сейчас в наручники и в камеру, если еще слово без спроса, – с явной угрозой отчеканил я.

– Да я...

– Молчать! – рявкнул я так, что стекла задрожали.

Она и замолчала. Истерика сменилась на парализовавший все тело ужас.

Еще две дочки-близняшки тринадцати годков. Они перепуганы, слезы текут, и сердце мое будто пальцы сжимают. Детские слезы – это очень тягостно. Но иначе нельзя. Мы вершим пролетарское правосудие.

Я кивнул старшему оперуполномоченному экономического отдела УГБ Саше Александрову. Он извлек из папки ордер и продемонстрировал его.

«НКВД СССР.

Управление НКВД по области.

Ордер № 1196.

Выдан 1 июня 1938 года.

Действителен трое суток.

Сотруднику УНКВД области тов. Александрову А. А. поручается провести обыск и арест гр. Свинолупенко Н. У., проживающего по адресу: улица Энгельса, д. 11, квартира 114.

Всем органам советской власти и гражданам надлежит оказывать законное содействие предъявителю ордера при исполнении им возложенных обязанностей.

Зам. начальника УНКВД Ремизов

Секретарь Румянцев».

Александров предложил сдать оружие, деньги, валюту, материальные ценности, нажитые преступным путем, антисоветские материалы и другие вещи, запрещенные к обороту на территории СССР.

Ничего не выдали. И начался тщательный обыск.

Квартира трехкомнатная, странной планировки, с изломанными длинными коридорчиками, множеством кладовок, заваленных всякой рухлядью. Шкафы с кучей пыльных шмоток, туфель, сапог. Трюмо с зеркалами. Буфеты с хрустальными, слониками, фарфоровой посудой с вензелями. Барахло, барахло, барахло.

Надрывались мы пару часов. В основном находили всяческие предметы женского немудреного счастья: серьги, драгоценности, ридикюли, броши-бутоньерки с запаянными в стекло цветами. Становилось понятно, почему директор треста принялся столь активно и отчаянно воровать. Такую жену насытить невозможно.

Свинолупенко все это время сидел насупившись. Привычно бурчал насчет фатальной ошибки и ужасных последствий для нас. Такие монологи каждую неделю мне льют в уши.

Черт, но куда он запрятал клад? Я прикинул, как сам поступил бы на его месте. Простучал полы. Потом Кольку – тщедушного молодого сотрудника – заставил лезть в идущий из кухни, перекрытый решеткой воздухопровод, в который вполне мог пролезть мелкий человек.

Шарился Колька в воздухопроводе долго. Отчаянно чихал.

– Возвращаюсь! – наконец крикнул он.

Интересно, на щите или под щитом?

И вот он вылез на стремянку. На секунду замешкался. И резко, едва не навернувшись, выдернул фибровый чемодан.

Открывал замки и крышку я с предельной аккуратностью, используя носовой платок. Нельзя же криминалистов работы лишать, пусть отпечатки пальцев ищут.

Вот он, клад! Царские и советские золотые червонцы. Гора драгоценностей.

– Ваше? – спросил Александров.

Свинолупенко издал нечленораздельный рык. И всхлипнул.

Чемодан устроился на обеденном столе рядом с другими вещами. Там же лежал наградной пистолет, из которого я вынул ради безопасности обойму и выщелкнул патрон из патронника. На вороненой стали табличка: «Красному командиру Свинолупенко за подвиги на Гражданской войне. Семен Буденный».

Хозяин квартиры посмотрел на именное оружие. И неожиданно увесистым кулаком ударил по столу, так что вещдоки подпрыгнули.

– Ну как? Почему это? – кивнул он на чемодан. – Зачем мне все это? Как я дошел до такого? Красный командир. И вот – червонцы!

Зыркнул зло на жену. Та съежилась, понимая, что шуточки кончились.

– Позор. Позор-то какой!

– Откуда вещички? – спросил Александров.

– Мои. Откуда... Потом скажу. Надо подумать. Подумать мне надо. Потом, – забормотал Свинолупенко.

Крокодиловы слезы. Видел их не раз. Раскаянье. Воспоминания о былых заслугах. А потом будет требовать доказательств. Бухгалтерских экспертиз. С соучастниками примутся валить вину друг на друга. Нет ничего нуднее и трудозатратнее дел о хищениях социалистической собственности.

Вот только не будет дела о группе расхитителей из «Русского текстиля». Будет дело о вредительской организации в «Русском текстиле». А это тройка. Несколько дней допросов. И расстрел.

И не жалко.

Не зря Сталин еще в 1934 году на съезде припечатал таких вот деятелей: «Это люди с известными заслугами в прошлом считают, что партийные и советские законы писаны не для них, а для дураков. На что они рассчитывают, нарушая партийные и советские законы? Они надеются на то, что советская власть не решится тронуть их из-за их старых заслуг. Эти зазнавшиеся вельможи думают, что они незаменимы».

Вот передо мной типичный экземпляр, решивший, что он над законом. Пробудивший в себе беса стяжательства.

Отпусти его сейчас, оставь на должности, и он снова примется воровать. Потому что страх потерял. А страх для нашего общества – это как скелет для организма...

Глава 6

Я пролистнул газету «Социалистическая индустрия». Стройки пятилетки... Славословия Сталину... Выпущены серии почтовых марок по случаю прошлогодней высадки экспедиции во главе с Папаниным на Северный полюс, а также перелета Чкалова, Байдукова и Белякова через Северный полюс в США... Вышла вторая серия фильма «Петр Первый». Надо сходить. Первая серия получилась на редкость убедительной.

В турке закипел кофе. Все же хорошо иметь по должности доступ к спецраспределителю. В магазинах такого кофе не достать. А мне он необходим, как и хорошая папироса, чтобы не свалиться с ног после очередной бессонной ночи. И кофейный запах для меня как дурман-трава, просто пленяет сознание.

Я с удовольствием сделал маленький глоток. И тут с обходом вотчин и владений появился начальник УНКВД. Не было заметно, что он очень рад нашим вчерашним подвигам.

– Уже места в камерах не хватает для ваших воришек. Это мусор, который вымести ума большого не надо. Вы настоящих врагов народа ищите, Ермолай Платонович. Подайте мне троцкистско-зиновьевский сброд! Берите пример с Граца. Вон как глубоко он этих «литераторов» из университета копает. И без всякой агентуры. Следственным путем и по сигналам граждан. И вот шпионская организация уже у нас, – последние слова Гаевский произнес как-то ласково, будто шпионская организация была ему чем-то родным и приятным, вроде пушистого неприкаянного котенка, которого пригрел в голодную зиму.

– Так уж и шпионская, – хмыкнул я.

– К чему этот скепсис? – неодобрительно спросил Гаевский.

– Никакого скепсиса. Завидую. Настоящий шпион – зверь редкий...

Лично я отвечал за оперативную работу Управления. Агент – это самое острое и мощное оружие органов. Он в стане врага вскрыет и коварные планы, и участников вражеской организации, принесет тебе их на блюдечке. И требовал я от агентуры настоящих врагов, а не трепачей, что по пьяни Русь к лаптям от тракторов зовут. Много лет я результативно выбивал врагов советской власти. Настоящих. С помощью агентуры, мотивированной, подготовленной, воспитанной мной. Ну а ныне выясняется, что агентура – это не главное. Главное – донос.

Доносов ныне столько, что пришлось создать специальный сектор, входящий в следственную группу Граца. Еще со времен инквизиции известно, что донос – прекрасный способ свести личные счеты и заполучить материальные блага. Вот и писали люди без устали – на сослуживцев, родственников, врагов, друзей. Именно из доносов происходили самые провокационные и фантастические дела.

Мне кажется, у начальника следственной группы Граца имелся редкий дефект психики. Он получал удовольствие, подгоняя факты под нужную ему картинку сущего. А что на деле – да кому это интересно? Вон, татарская община. Ругались правоверные, что им мечеть закрыли и хадж в Мекку перекрыли, что для истинного мусульманина удар. На них кто-то написал донос: «Занимаются антисоветской пропагандой». Грац с энтузиазмом принялся играть с окружающей реальностью. И вот – получите татарскую антисоветскую организацию. Ну да, татары за языком не следили. Но это не организация. Что такое антисоветская организация, я узнал еще в Гражданскую. Не одну такую раздавил. Их участники безраздельно во власти лютой ненависти к политическим противникам, готовы лить кровь в любых количествах. Здесь же просто трепачи, любящие намаз, традиции предков и не шибко любящие советскую власть.

– Ну пусть черканет перерожденец-текстильщик, что золотишко для бухаринского подполья собирал, – предложил начальник УНКВД. – Ему уже все равно. А нам хлеб.

– Попробуем, – кивнул я.

Да и господь с ним – для подполья так для подполья. Главное, этот нарост скovyрнули, и государственное добро не будет обращаться в царские червонцы.

Меня больше тревожила информация по «Пролетарскому дизелю». По фигуранту, на которого навел железнодорожный грабитель. Это дело серьезное. Нам только теракта там не хватало.

Я посмотрел на часы. Ну что, пора.

Взял папку и сбежал вниз по лестнице. Кивнул сидевшему в дежурке водителю:

– Поехали! Сперва в обком. Потом на «Дизель»...

Глава 7

В назначенное время я зашел в узкий и длинный кабинет, обставленный достаточно скромной канцелярской мебелью.

Второй секретарь обкома Порфирий Белобородько поднялся из-за стола. Шагнул мне навстречу. Улыбка у него скромная, грустная и будто бы виноватая. Он пожал мне руку.

В полувоенном френче, немножко полноватый, сутулящийся партийный лидер вид имел абсолютно обывательский – чистый счетовод из конторы. А рукопожатие крепкое. Видно, что не только авторучку в жизни держал.

Усевшись на стул, я протянул ему папку с секретными документами. И Белобородько стал внимательно вычитывать бумаги, касающиеся предстоящих мероприятий против членов партии, а также грядущих арестов.

Он делал в блокноте отметки. Красным карандашом поставил несколько галочек на документах, объявив:

- За этих людей ручаюсь. К остальным присмотритесь.
- Я понял, Порфирий Панкратьевич. Будет сделано.

Нас связывали если не дружеские, то уважительные отношения, местами переходящие в доверительные. А еще прошлые большие дела. Главное из которых – строительство «Пролетарского дизеля».

Белобородько, несмотря на обывательский внешний вид, был героическим трудягой и великолепным организатором. Он зажигал измотанных людей парой фраз, и те делали невозможное. Аскетичный, надрывающий здоровье, забывающий поесть и поспать, он никогда не забывал накрутить хвоста подчиненным за опоздание на полчаса платформы с трубами. Он да Алымов – на их здоровье и крови взошел и заработал завод. Ну и моя лепта тоже была.

Позже Алымов стал директором «Дизеля», каковым пребывает до сих пор. А Белобородько призвали на должность второго секретаря обкома. В этом качестве он отвечал за партийный контроль за органами НКВД. Через него проходили материалы по тройке. И, надо отдать должное, он старался соблюдать объективность, насколько это возможно в наших обстоятельствах. В отличие, кстати, от первого секретаря обкома, все время призывавшего рубить пашкой гидру контрреволюции и нещадно давить всех сомневающихся.

Именно с помощью Белобородько удавалось порой перенаправить захватившую не на ту ветку мотодрезину нашего правосудия. Он вытащил с того света несколько весьма ценных руководителей промышленности. И я ему был благодарен.

Надеюсь, уважение у нас взаимное. Он не раз говорил, что именно в моем лице видит настоящего чекиста. Про остальных тактично умалчивал.

- Значит, Свинолупенко взяли, – неожиданно сказал секретарь обкома.
- Да. И его. И чемодан с бриллиантами, царскими золотыми червонцами.
- Почему так? Я ведь устанавливал с ним советскую власть в Туркестане. Мужик боевой был. Ничего не боялся. Спали на голой земле. Ели, что бог послал. Голодали. Теряли друзей. Были счастливы тем, что живем в поворотное время. И вот теперь – чемодан с червонцами.
- Люди меняются.
- Или раньше хорошо мимикрировали, а теперь сбрасывают маски?.. И чего, «Текстиль» и его партнеры пойдут через тройку?
- Обязательно.
- Вы проводите по политическим статьям обычных расхитителей и мздоимцев, – с укоризной произнес Белобородько.
- Вор и дурак натворит порой столько, что ни одному иностранному шпиону не по силам.
- Но они все же не шпионы. Значит, мухлюем мы с вами.

– А если их не выковырять, мы с такими кадрами индустриализацию никогда не проведем. Украдут все. А что не украдут – то разбазарят. Хозяйственное дело два года длится. Требуется квалифицированных следователей, бухгалтеров, которых катастрофически не хватает. И что, нечисть всякая будет ждать очереди, пока органы найдут время ими заняться? Ничего. Пускай побудут врагами народа.

– Может быть. Только учти, Ермолай Платонович, тут легко увлечься и наломать дров. Опасайся самоуверенности вершителя судеб, чекист.

Я кивнул. Много чего мог в ответ ему сказать. Например, что идея пускать мздоимцев по контрреволюционным статьям вовсе не моя. Когда еще начинались массовые чистки, один из старших товарищей, устами которого глаголет высокая истина, намекнул, что такова теперь политика.

Мы ведь до сих пор пожинаем плоды проникновения в партийную среду и советскую бюрократию чуждых элементов и чудовищного перерождения части большевиков. Почивший в бозе нэп – новая экономическая политика, когда вернулась частная собственность на средства производства, создал целый класс советской, но оттого не менее бесстыдной буржуазии. Та быстро срослась с властью, пошли шальные деньги. Я же помню, как милиция работала в спарке с бандитами и расхитителями. А сотрудники ОГПУ покрывали контрабандистов. Райсоветы и райкомы миловались с нэпманами. Высокопоставленные партийные деятели, в числе которых был Троцкий, проталкивали передачу за копейки в концессии иностранцам целых регионов, где англичане и французы будут бесконтрольно добывать пушнину и полезные ископаемые. А что творилось во внешней торговле! Втридорога закупалось ненужное оборудование, за что шли щедрые пожертвования нашим бюрократам. Неудивительно, что внешторговцы, как припекло, пачками стали оседать на Западе. А взять швейцарские банки, где на безличных счетах наших номенклатурных деятелей лежат миллионы за распродажу страны! И даже когда эксперимент с нэпом был прекращен, привычка жрать в три горла у перерожденцев, занявших многие ключевые позиции, никуда не делась. До сих пор идут чудовищные хищения и махинации.

Да, перерожденцев скопилось на всех уровнях государства немало. И они обеими руками за советскую власть. Благодарны ей, что зажили как графья. Только вот не выйдет у них кататься как сыр в масле. Если и будут кататься, только в «воронках», да на троечку.

«Они украдут все, сколько ты ни произведи материальных ценностей. Потому что их жадность неутолима. Единственное лечение – пуля», – сказал мне тогда старший товарищ.

Я эти наставления помню и реализую. Только вот Белобородько сказать об этом права у меня нет.

– Больше не буду отнимать ваше время. – Я захлопнул папку.

– Передавайте привет Летчику, – сказал напоследок второй секретарь.

Он оказывал своеобразное покровительство аэроклубу Осоавиахима. Любил пообщаться с его начальником – Николаем Соболевым, которого в народе зовут Летчиком. Вообще, летчиков много, но Летчик с большой буквы у нас в области один. А еще он очень хороший мой друг со времен Гражданской войны.

– Обязательно передам, – кивнул я.

– Эх, вечная мечта человека о небе, – с грустью произнес второй секретарь. – Почему нас так тянет туда, Ермолай Платонович?

– Романтика больших высот и скоростей.

– А еще стремление оторваться от забот и грязи. От зла и предательства, – Белобородько замолчал и мельком бросил на меня взгляд – как я воспринял его эмоциональное заявление.

– Мне пора на «Дизель». – Я поднялся.

– Там что-то стряслось? – с обеспокоенностью за свое детище спросил второй секретарь.

– Проблемы. Возможно, серьезные.

- Проблемы, да. Взять вашего Граца. Он не слишком усердствует с арестами? На заводе так скоро народа не останется.
- Будем вдумчиво разбираться по каждому случаю.
- Уж сделайте одолжение, Ермолай Платонович...

Глава 8

«Пролетарский дизель» – это воистину гигантский проект. Один из флагманов индустриализации. Гордость нашей области, он грозил с лихвой перекрыть потребность в широком перечне важной для нашей страны промышленной продукции.

За поворотом открылся вид на завод. Его территория была обнесена бетонным забором с колючей проволокой, вдоль которого патрулировали бойцы ВОХР, ища подкопы, проломы, приглядывая, не тащат ли несуну народное достояние.

Вот и ворота, похожая на дот проходная, у которой собралась толпа. Чуть поменьше народа толпилось у киоска в ста метрах справа. Там торгуют сигаретами и водкой в разлив. Не видит руководство завода ничего плохого в том, чтобы рабочий человек закурил папироску, да опрокинул рюмашку после смены, да и пошел бы домой.

Моя черная «эмка» остановилась перед воротами. Я показал суровым вохровцам с револьверами в кобурах пропуск. Мой водитель Саша тоже продемонстрировал соответствующую бумагу.

– Проезжайте, – кивнул насупленный усатый боец в черной форме с петлицами.

Это был целый город. Машина закрутилась между длинными корпусами из стекла, кирпича и бетона. Она объезжала трактора с прицепами, грузовики, толпы рабочих.

Подъемный кран грузил на платформу здоровенный трансформатор. Это действо сопровождалось азартными криками:

– Да влево подавай, так-перетак! Ну куда ты тянешь?!

Я любил этот завод. Как люблю заводы вообще. В них ощущается неуклонная поступь цивилизации. Победа человеческого разума, покоряющего материальный мир. И вместе с тем что-то неземное есть в больших машинах.

Цеха. Пышущие огненным жаром печи. Перевыполнение планов. Энтузиазм и создание чего-то нового и важного. Азарт технического поиска. Это жизнь!

Здесь целый мир, по сути своей очень правильный. Тут из вчерашних крестьян и ремесленников воспитывают передовое будущее страны – квалифицированных рабочих, инженеров и управленцев. Здесь всегда протянут руку оступившимся и скажут спасибо передовикам. Но и строго спросят с виноватых. Здесь тянут вверх, к солнечному свету, забившихся в темные углы единоличников и прочий несознательный элемент. Люди ощущают себя частью коллектива, общей семьи. Идет заборная комсомольская, спортивная, культурная жизнь. Спортсмены бьют рекорды и ездят на соревнования. Самодеятельные артисты дают представления в роскошном заводском клубе. Агитаторы оказывают помощь деревне. Простые ребята осваивают начальную военную подготовку. Завод для многих прекрасных людей стал и домом, и самым смыслом жизни. А я заряжаюсь пышущей здесь оптимистичной, искренней, заборной энергией молодости.

Эх, почему я не стал инженером? Меня всю жизнь тянуло к этой профессии. Но не отпускали. То контрреволюция на дворе, то левые и правые уклоны. Кто будет бороться? Надо. Поэтому и с образованием не срослось. Ни тебе рабфака, ни высшего технического училища. Только сокращенный юридический курс да школы повышения квалификации – сначала ВЧК, потом ОГПУ и, наконец, НКВД. Мои университеты, черт возьми!

Еще на этапе строительства я курировал завод. Присматривал за ворами и расхитителями. Создавал препоны вредителям. Держал в поле зрения иностранных специалистов. Раскинул агентурную сеть, покрывшую комбинат густой паутиной, и был в курсе всего. Контролировал заключенных, труд которых использовался на тяжелых работах.

Ну а еще крутился волчком, обеспечивая строительство то техникой, то бетоном. Бился головой об стенку, выбивая вместе с местным руководством станки, чтобы уже готовые пло-

щадки не простаивали. Так что в неуклонном росте производства на «Пролетарском дизеле» есть и моя скромная заслуга...

Добрался я до сборочного цеха. Там что-то жестяно грохотало. Ползла лента конвейера – его налаживали американцы, которые аж у самого Форда начинали.

Пройдя через цех, я поднялся по шаткой металлической лестнице на галерею, где шли кабинеты и подсобки. А вот и бронзовая табличка «Начальник сборочного цеха Ломидзе Ш. Г.»

Дверь закрыта. Ничего, подождем. Хозяин кабинета больше чем на полчаса свой цех не оставляет. Не может жить без него...

Ломидзе появился через десять минут. Это был статный кавказец лет сорока, с черной шевелюрой и лихими усами. Правда, в родной Грузии за всю жизнь он побывал только раз. Но считал себя горцем.

Он шел по галерее, смотря перед собой и бормоча:

– Шакал, не человек, да! Просто враг, да!

– Шалва, ты никак от Барина? – хмыкнул я.

– Тяжелый человек, да, – кивнул Ломидзе, пожимая мне руку.

Он отпер дверь и пригласил меня в тесный, заваленный чертежами кабинет с маленьким столом, несколькими колченогими стульями и табуретами. Из окна открывался вид на весь цех – там что-то вспыхивало, стучало, жужжало.

– Откуда такое барство в советском руководителе? – никак не мог успокоиться Ломидзе. – Как чекист ответь!

За это самое барство директора завода Алымова дружно не любили и работяги, и инженеры, и администраторы. Он не умел найти общего языка с трудовым людом. Такой новый коммунистический сибарит, неприятный в общении, вспыльчивый. Больше всего народ раздражала его вездесущая и активная, как таракан, молодая жена Эсфирь Львовна. Она постоянно требовала его персональную машину – ей то за бархатными шторами, то к парикмахеру, то по магазинам. Она нигде не работала, потому что постоянно болела – правда чем, не могли сказать самые лучшие светила медицины в нашей области. Гоняла по своему особняку домработниц не хуже чем рабынь. Дошло до рассмотрения дела о личной нескромности директора на бюро обкома. Но давить его сильно не стали. Постановили, что такие ценные специалисты имеют право на соответствующие пряники, а уравниловка – это путь в безответственность.

– Считаешь, нам надо к нему присмотреться? – усмехнулся я.

– Присмотреться... – неожиданно зло зыркнул на меня Ломидзе. – Уже присмотрелись. С вашим следователем встречался. Грац такой. Фрукт, скажу я тебе. Все чего-то ищет, шуршит бумажками, как крыса канцелярская. И вот мой мастер Ветлугин Анатолий Ефимыч – где он? А с ним еще двое в «Зеленый дом» уехали.

«Зеленым домом» в народе прозвали здание УНКВД за зеленую окраску фасада.

– А у меня на них целая производственная линия держалась. И как дыры латать? Спьяну что-то сболтнули – допускаю, у них язык как метла. Но они не враги! А Лагин и Веригин? За халатность по тому взрыву котла в Сибирь их! И двух специалистов как не бывало. А достойной замены нет!

– Котел же взорвался.

– Дело нечистое, – поморщился Шалва. – Взорвали его. Умышленно. Уверен.

«А я даже предполагаю, кто взорвал», – подумалось мне с чувством превосходства, которое дает агентурная осведомленность.

– Еще Барина посадите! Меня заодно. Пусть завод вообще встанет. Так, да? И кто враг у нас получается, а? Ну скажи!

– Скажу, что ты слишком много говоришь.

– Так я тебе говорю! Ты свой! Ты коммунист!

– Заканчивай, понял!

Ломидзе понял, что наговорил предостаточно. перевел дыхание.

– Ты как, Платоныч, по делам? Или просто – запахом цеха подышать?

– Да какие дела? Делишки. Хотел характеристики на твоих людей получить. Допуска обновляем, – я выложил несколько фамилий. В числе которых был и фигурант, якобы подорвавший котел, – Богдан Кириак. А остальных – для массовой. Чтобы Ломидзе не понял, кем конкретно мы интересуемся. Не то чтобы я ему не доверяю... Я не доверяю вообще никому.

Ломидзе числился моим негласным сотрудником. Притом по-настоящему идейным – врагов революции ненавидел со всей кавказской эмоциональностью. Именно с ним мы раскрыли того американца.

От Великой депрессии из Америки к нам сбежало много хороших инженеров. Они заключали контракты и работали на совесть. Мы их не трогали, за СССР не агитировали, но бдительно к ним присматривались. И вот один начинает активно подбивать клинья под людей неустойчивых, жадных до денег, обиженных советской властью, с испорченными биографиями. Умел американец влезть в душу. Сыпал деньгами. Обещал золотые горы. Хороший вербовщик, умело создавал агентурную сеть. Двоих успел подбить на сотрудничество, притом таких, кто имел доступ к секретной документации.

Засыпался, как и все его коллеги, на недооценке противника. Не учел, что всех обиженных, с испорченными биографиями мы тоже пристально держим в поле зрения. А некоторые вообще являются наживками.

Меня тогда удивило – на черта американцам наш завод сдался? У них и разведслужб толком нет. Им только коммерция важна. А он, оказывается, на англичан трудился в поте лица. Островитянам что Российская империя, что СССР – как кость в горле. Конкуренты на мировой арене. Кроме того, их буржуи как огня боятся социалистической революции, которую им едва не устроили по примеру России в семнадцатом году их рабочие и докеры.

Арестовали мы этого американца. Приехала за ним машина из Москвы с конвоем. Больше я его не видел. А Шалва в этой истории зарекомендовал себя преданным, умным и наблюдательным источником информации...

Шалва дал емкие характеристики всем лицам, которые мне вообще ни на что не сдались, и перешел к Богдану Кириаку – тому, кто якобы взорвал котел, угробивший пятерых рабочих.

– Комсомолец, – сказал Шалва. – Активист. По-моему, еще и карьерист. Деятелен и говорлив. Ничего плохого не скажу.

– С кем общается?

– С половиной завода. По комсомольским делам. И ни с кем особо не дружит.

В дверь постучали. Зашел высокий мужчина, возрастом лет под пятьдесят, по-военному подтянутый, с аккуратной седой бородой. Кивнул нам. И на миг будто замер, кинув на меня взгляд. Потом положил на стол папку:

– Данные техзадания, Шалва Георгиевич. На изделие номер тринадцать.

И быстренько исчез.

А я сидел, ошеломленный. И мысли металась в моей голове стая вспугнутых птиц.

– Новенький? – спросил я.

– Вепрев Константин Павлович. С «Теплоприбора» пришел. Там начальником цеха был. У нас сперва по технике безопасности работал, и вот уже два месяца у меня. Как инженер просто находка. Из старых специалистов – в хорошем смысле. Уважаю!

Это что же за синема получается?

Я был как пыльным мешком пришибленный. Бывают в жизни сюрпризы...

В растрепанных мыслях я дошел до заводоуправления. Там в тесном кабинете царил Наум Ложкин – оперативник из моего экономического отдела, курирующий завод.

Невысокий, кряжистый, по-деревенски основательный, он был из староверов. В семье в нем воспитали фанатичную дисциплину и беспрекословное подчинение старшим, дикую добросовестность и преданность работе. К его минусам относилась прямолинейность, что для опера не всегда полезно. Но в целом я считал, что завод прикрыт его могучей спиной.

Он был одет в военную форму – от кого таиться, его и так здесь все знают. Рылся в бумагах. При моем появлении вскочил и доложил.

– Не подпрыгивай. Лучше дуй в отдел кадров. На этих людей личные дела принеси, – я протянул ему список.

И через пятнадцать минут передо мной лежало личное дело нового заместителя начальника цеха Вепрева. Проверки. Фотография. Оформление допуска. Все на месте.

– Надежный человек. В прошлом году вступил в партию, что для старых специалистов не только редкость, но свидетельство их заслуг, – сказал оперативник.

Я присмотрелся к фотографии. Так что, мерещится мне или нет? Борода клинышком, залысины. На это можно не смотреть. Это дело преходящее. А вот форма носа, надбровные дуги. Главное – глаза.

Есть у меня такая способность – никогда не забывать внешность людей, не обращать внимания на ее изменения – принудительные или возрастные. Всегда зрил в корень.

Он или нет? Да ладно, не стоит себя обманывать. Это именно он. Вепрев? Да какой Вепрев. Это Великопольский. Даже имя-отчество не сменил. Чтобы легче было откликаться.

Насущные вопросы: зачем он здесь? Узнал ли меня? И что мне с ним делать?..

Глава 9

Это была хлипкая дождливая весна 1920 года. Ожесточенные бои на юге России. Противоборствующие силы увязли в позиционном противостоянии. С учетом того, что у белых ослабли фланги, командование нашей армии решило нанести удар и вклиниться в глубину территории противника – больше для отвлечения внимания, чем для реальных стратегических успехов.

На эту операцию были собраны с бору по сосенке второстепенные силы. Похожие на бродячий цирк анархистские отряды, крестьянские тачанки с мрачными мужиками. Выделили даже бронетранспортер, а разведку осуществлял единственный в нашей части фронта аэроплан.

С ходу мы заняли провинциальный скучный городишко Любавино, главной достопримечательностью которого был паровозоремонтный завод. Жители были ошеломлены такой стремительной переменой их участи. Они были уверены, что фронт далеко. И вдруг – здрасте, с новой властью вас, господа!

Дралось наше сборное по сосенке воинство неважно, приказов часто не слышало и не понимало. И если бы не мой эскадрон красных казаков, погибли бы все. Но зато грабили и мародерствовали союзнички самоотверженно и с полной отдачей душевных сил.

Со всех сторон города доносились выстрелы. Женские крики. Проклятия. И ничего с этим поделать невозможно. У меня не было людей прекратить грабежи.

Передо мной аккуратный уютный каменный дом среднего достатка – такие принадлежат или врачам, или инженерам. Пятеро мародеров выносили оттуда имущество. Но хуже, что они вытянули во дворик огромную перину, от которой летели во все стороны перья, и под задорный хохот и вопли о том, что дождались буржуи рабочего тела, пытались разложить на ней хозяйку – молодую, ухоженную и красивую женщину в длинном бежевом платье. А один из мародеров цепко держал за плечи девочку лет пяти, застывшую от ужаса и не способную даже кричать.

Анархисты выглядели комично. Одеты кто во что горазд – в тужурки, обрезанные по колено шинели, солидные габардиновые пальто. Один перепоясан шерстяным пуховым платком. У другого вокруг шеи обвилась лисья горжетка. Как старьевщики, они вечно таскали с собой саквояжи, коробки и мешки. Из карманов свисали цепочки от часов и нити бус. Они походили на клоунов. Только на клоунов злых.

– Отставить! – что есть силы заорал я, спрыгивая с коня. – Вы женщин и детей с белыми не путали?

Главарь шайки, в черном морском бушлате и кожаных штанах, глянул за меня с беззлым недоумением:

– Проходи, товарищ, мимо. Не видишь – революционная братва гуляет. Щемит эксплуататора!

Их было пятеро. Один теребил карабин, у другого винтовка Мосина. Остальные – у кого револьвер, у кого маузер. Руки они держали поближе к оружию. Так что совет «проходи» был весьма к месту. Вот только не по-людски это. Мы дрались с белой армией за то, чтобы называться людьми, а не становиться скотами. Поэтому никуда я не уйду.

– Я командир особого эскадрона штаба армии. И я приказываю именем революции прекратить мародерство. Распоряжением командующего Юго-Западным фронтом за преступления против мирного населения – революционный трибунал!

– Т-ю-ю, – протянул главарь. – Братва, он балтийского матроса казнить хочет. Чтобы буржуям угодить! Да нам на твой штаб... – он витиевато выругался, обильно перемежая матерную ругань уголовными словечками.

Большинство таких «матросов» – это освобожденные из тюрем под честное слово служить Республике воры и грабители. И по укоренившейся привычке они мечтали только воровать и грабить. Рано или поздно их придется ставить к стенке или иными способами приводить в чувство.

– Прекратить! – повторил я уже без особой надежды.

– Мы свою кровь льем не за твой штаб. А за классовую справедливость! – завопил «матрос». – Короче, смерть буржуям и их пособникам!

И неожиданно резко вздернул вверх руку с маузером.

Не успел. Потому что я казачий пластун, которого учили серьезному делу еще в Первую мировую войну, а он – обычный разбойник. Я начал движение раньше, смещаясь влево и вскидывая наган.

Он промахнулся, а моя пуля достала его. Он согнулся, держась за простреленный живот. Рухнул, выронив маузер, жалобно заскулил, как собачонка с отдавленным хвостом. Жив еще, но мне не до него. Оставалось еще четверо.

Двигаться и стрелять. Стрелять и двигаться. И держать в сознании три очень важные вещи – не дать поразить себя, невинных людей и моего драгоценного друга – коня Резвого.

Сердце молотит в груди. Кровь лавой катит по жилам. Но рука тверда. Движения отточены. Бросок. Перекат. Шинель разбухает от грязи и воды из лужи – все это затрудняет движения. Но в движении моя жизнь.

Мой выстрел. У держащего девочку анархиста возникает дырка во лбу. Потом пришла очередь воришки с лисьим воротником. Затем рухнул еще один.

Положил я почти всех. В барабане еще три патрона. Тело двигалось, а сознание, как посторонний наблюдатель, фиксировало ситуацию. И выходило, что звероподобный анархист с «мосинкой» через долю секунды влепит в меня пулю. И я не успевал.

Грянул винтовочный выстрел. Ну, вот и все...

И я ощутил, что жив. А мой противник считай что нет. Лежит, дергается в агонии.

Я поднялся из лужи, которая затормозила мое движение и едва не угробила. Огляделся в поисках неожиданного спасителя. И несколько не удивился, увидев Фадея Селиверстова.

Он мой ангел-хранитель. Не сосчитать, сколько раз спасал мне жизнь с того момента, когда меня определили в его десятку разведчиков-пластун на Германском фронте. Он обучал молодого солдата пластунским премудростям. С ним мы прошли Первую мировую. Вместе приняли решение идти к красным, потому что верили в свет грядущего освобожденного труда. И вот опять он прикрыл меня.

– Тебя на минуту не оставишь. – Он деловито дострелил скулящего «балтийского матроса», пояснив: – Все равно не жилец.

Я пытался унять сердцебиение. А Фадей церемонно поклонился спасенной женщине:

– Простите, барышня. Этот сброд получил свое. От настоящих революционных бойцов Красной армии вам не грозит ничего.

– Вам надо уезжать из города, гражданка, – переведя дыхание, сухо произнес я. – Есть где затаиться на время?

– Хутор за городом. Там проживают мои родственники.

– Вот и хорошо. Возьмите с собой только необходимое. Фадей вас проводит.

Женщина внимательно посмотрела на меня. Кивнула резко. И вдруг спросила:

– Кого благодарить? За кого в церкви свечу ставить?

– Ну, так Ремизовы мы, – смутился я. – Ермолай буду.

– А мы Великопольские...

Иногда наши дела возвращаются неожиданными последствиями. Через полгода я сидел в крепком амбаре со связанными за спиной руками. И знал, что мое время истекает. Завтра меня расстреляют. Или запорют насмерть, как принято в этих местах.

Пожил я мало, всего двадцать четыре года. Но содержательно. Бил германца. Потом бил белых и интервентов. Бил умело и удачно.

Во время рейда моего эскадрона по тылам беляков отправился налегке, без сопровождения, в станицу, чтобы встретиться с добровольным помощником из местных. Шел один, чтоб лишнего внимания не привлекать. Разведка – это не столько лихие налеты и грохот выстрелов, сколько тишина и разговоры. Вот и взяли меня в той станице белоказаки.

Больше суток я выслушивал от есаула и какого-то офицера-пехотинца обычные их причитания – как они, аристократия с голубыми кровями, поставят зарвавшееся быдло в стойло на конюшне. И как будут жечь, карать, вешать.

Ночью я не спал. Все думал о своей недолгой, но яркой жизни. Страшно было, конечно. Но я понял – а ведь изменить бы ее не хотел. Все было правильно. И верную сторону выбрал. А что так все заканчивается – на то и война.

Когда стемнело, меня остался сторожить один казак – второй дрых где-то, залившись самогоном. А посреди ночи послышался шум. Зазвучали женский голос, бас часового, смех, прибаутки. Хлопок – судя по всему по шаловливой руке. Потом предложение:

– Кваска-то отведай, Авдей. Зря, что ли, несла?

Чмокание поцелуя. И опять хохот.

Тишина. А через некоторое время храп.

Казак заснул. Эх, сейчас бы выломать дверь, но очень уж она толстая. Да и руки за спиной связаны крепко – казаки это умеют.

Но дверь отворилась сама.

В проеме, держа масляный фонарь, стоял худощавый высокий человек в справном офицерском кителе, широких галифе и высоких сапогах. Он осведомился:

– Ремизов Ермолай?

– Он самый, – буркнул я.

Эх, сбить бы сейчас этого хлыща с ног. Да в степь – авось не догонят. Или догонят? Ночь, есть шанс, хоть и маленький. Но только руки связаны.

– Вы город Любавино брали? – спросил нежданный гость.

– Было дело. А тебе-то что, кость белая?

– Дом там мой, – зло процедил офицер. Поставил фонарь на землю. И вытащил нож.

Сейчас он меня зарежет. Не так и намного сократит жизнь, однако эти часы на пороге смерти кажутся вечностью. Как же мне хотелось встретить рассвет! В этом что-то принципиальное для приговоренных – умирать на свету, под лучами солнца...

Офицер нагнулся. Сверкнул нож в свете фонаря. И с моих рук опали путы.

– Охранник спит. Глашка его особым отваром опоила, – пояснил неожиданный спаситель. – Справа у околицы лошади. Казаки перепились, так что можете увести одну, если лень пешком топтать.

Я размял затекшие запястья – вязали меня крепко, так и без рук остаться можно. Но ничего. Я ощутил покалывание. Кровь заструилась по жилам, возвращая рукам чувствительность и подвижность.

– В Любавино я спас вашу жену? – я вдруг понял смысл происходящего.

– И дочку. Теперь они в безопасности. Для меня в жизни ничего нет важнее. Валентина рассказала о вас. И я дал слово ей: если где встречу, то помогу. Константин Павлович Великопольский к вашим услугам.

– Теперь квиты.

– Я слишком многим вам обязан. Так что рука у меня на вас никогда не поднимется... Если бы все большевики такие были, я бы, может, и сам красный бант нацепил.

– Так кто мешает? Таких, как я, у нас каждый первый.

– Есть и товарищ Троцкий с расстрельными командами.

– А что Троцкий?

– Эх, – Великопольский махнул рукой. – Если, не дай бог, красные победят, вы еще увидите, какое мурло нарисуетя у ваших соратников...

Потом мы встречались с ним пару раз тоже при очень рискованных обстоятельствах. Он спас меня. Я спас его. Потянулась между нами какая-то неразрывная нить, которая скрепляет уважающих и ценящих друг друга людей. Тем более повязанных долгом крови.

Столько лет прошло. И вот свиделись. На радость или на беду – это вопрос...

Глава 10

Заснуть я ночью нормально не мог. История с Великопольским меня сильно взвинтила. Свалился как снег на голову этот классовый враг и ситуативный союзник.

Но на следующий день мне стало не до него. Чрезвычайное происшествие прогремело в Лазаревском районе.

Давненько в наших лесах кулаки не шалили. А было время, когда кулацкая буза и лесные засады являлись нормой. И продотряды вырезали полностью. И докатывались до нас отголоски Антоновского мятежа. Еще года три назад сельсоветы жгли. Теперь же я полагал, что изжили мы эту нечисть. Самых активных кулаков при коллективизации сослали. А в прошлом году, как приказ о массовых чистках пришел, дочистили их до доньшка. Сейчас народ боится даже заикнуться, что ему колхозная жизнь тягостна. И вот опять!

Но обо всем по порядку. Днем на проселочной дороге взяли кассу леспромхоза. Это произошло в полусотне километров от областного центра. Лиходеи перегородили дорогу деревом. Из засады открыли огонь из обреза по мотоциклу с коляской. Инкассатора убили на месте и завладели его револьвером. А бухгалтершу недострелили.

– Езжайте, разберитесь, – велел начальник Управления, вызвав меня в свой кабинет.

– Так это дело милиции, – возразил я. – Уголовщина.

– Там политикой за версту несет...

В поселок городского типа Лазарево добрался я к вечеру. Застал там начальника областного уголовного розыска Гришу Афанасьева. Он был невысокий и сухой как щепка, в потертой кожаной куртке, на голове прибитая, тоже кожаная, кепочка. По виду и замашкам – ну чисто блатной. Оно и неудивительно – беспризорная юность, лично по карманам и лабазам шарил. От тех времен остались у него глубокое знание уголовного элемента и искренняя ненависть к нему. Оперативник сильный.

– Ну, поведай мне, где тут политика, – потребовал я, все еще злясь, что меня сдернули с места. Времени и так не хватает – нужно по заводу «Пролетарский дизель» организовывать оперативные мероприятия, а также решать, что делать с Великопольским.

– Да из кулаков они, – сообщил начальник розыска. – Или из подкулачников. Ваш контингент.

– Это почему?

– Когда бандиты убивали леспромхозовцев, то глумились. «Это тебе за продразверстку, сволочь!» – с этими словами добили инкассатора. «А это тебе за колхозы», – выстрел в бухгалтершу. Но та жива осталась. Полная женщина, даже с излишком. Пуля жир прошила, от ребра срикошетила. Крови потерпевшая много потеряла. Сейчас в больнице.

Зная шустрый нрав сотрудников уголовного розыска, всегда готовых скинуть дело на чужие плечи, я принялся вдумчиво изучать материалы.

Переночевал я в райотделе. А утром с Афанасьевым отправился в больницу.

Потерпевшая была еле жива. Но говорить могла. И подтвердила первоначальные показания. Дать внятное описание нападавших не могла, только всхлипывала и долдонила:

– Рожи зверские-е-е...

– По фото узнаете? – спросил я.

– Одного узнаю-ю-ю, – протянула она и заплакала.

Врач нас выгнал из палаты со словами:

– Хотите сделать то, что бандиты не доделали, – убить пациента?

В райотделе сделали выборку местных бандитов и антисоветских элементов с фотографиями. Но показать их пострадавшей врач не разрешил:

– Нельзя! Она спит под лекарствами!

– Когда можно?

– Позже!

Зацепок никаких. Чужих в районе не видели. Никто подозрительный по дорогам не рас-секал. Получается, бандиты из леса вышли. А леса тут, даром что Центральная часть России, а не тайга, на десятки километров тянутся. Края эти всегда чащами да болотами с лягушками славились.

– Плохо, – отметил я, когда мы с Афанасьевым вечером пили чай с сахаром вприкуску в кабинете начальника райотдела. – Бандитизм – это такая зараза. Если подхватишь – потом долго лечится.

– Точно, – кивнул начальник угрозыска. – Если одна банда завелась, жди новых продол-жателей славных традиций русского варначества.

– Кто-то наводку дал. Точный маршрут бандитам был известен. Надо перетряхнуть лес-промхоз.

– Уже трясем...

В город моя машина въехала в полдевятого вечера.

– Куда? На работу? – спросил водитель.

– Да подождет эта работа. Давай к Антонине!

Мой верный водитель Саша Платов прекрасно знал, куда это. И только кивнул, пово-рачивая руль...

Глава 11

Белое липкое марево. Я выныривал из него, чтобы увидеть нависших надо мной небесных ангелов и опять провалиться в липкий кисель.

Моя душа жаждала освобождения от оков ставшего чужим тела. Но никак не могла вырваться из телесного плена. И опять парили надо мной ангелы.

Сколько это продолжалось? Три дня.

Ангелы оказались врачами в белых халатах. А я являлся больным в тифозном бараке.

Это был 1921 год. Крым. Таврическая губерния. В России эпидемия сыпного тифа на фоне голода и разрухи приобретала катастрофические масштабы.

Невидимая смерть косила отчаявшийся народ, как косарь – траву на покосе. И были люди, которые пытались, не думая о себе, встать на пути беды. Среди таковых был и я, сотрудник Губчека, обеспечивавший карантин и вывоз больных. И моя первая жена Полина, сестра милосердия. Мы в числе многих других коммунистов и комсомольцев боролись с распространением болезни. Эта проклятая хворь и нанесла по нам страшный удар.

Я выкарабкался. А вот Полина не смогла. Она стала одной из трех миллионов жертв сыпняка в годы Гражданской войны и разрухи.

Тогда мир для меня стал каким-то картонным и неприятным на вкус. Я жил как автомат, отводя от себя воспоминания и эмоции, ибо иначе они захлестнули бы меня с головой. Полина была значительной частью моей жизни, в которой теперь зияла пробоина, как в трюме корабля. Вытащила меня из этого состояния маленькая дочка, о которой надо было заботиться. Теперь, в память о тех страшных годах, она студентка мединститута в Саратове, мечтает стать врачом-вирусологом и спасать людей от страшных болезней. Она – свет моих очей.

Та душевная рана не заживала долго. Я шарахался от близких отношений с женщинами. Пока в моей жизни не появилась Антонина...

Машина свернула в Нахаловку. Это район недалеко от центра, больше походивший на деревню. Раньше здесь безраздельно царствовали извозчики и мутный воровской народец. Но их основательно почистили, и сегодня здесь больше живут заводские. В том числе инженеры и служащие с «Пролетарского дизеля».

Небольшой флигель во дворе длинного рабочего барака. Это жилище уже третий год снимала Антонина у хозяев, уехавших на юга.

Она будто чувствовала, что я приеду. И стояла на скрипучем крыльце.

Внешне Антонина напоминала строгую сухощавую классную даму из Института благородных девиц. Была красива волшебной холодной красотой, как Снежная королева из сказки Андерсена.

Я обнял ее. И вошел в дом.

В этом уютном, потрескивавшем старыми досками доме меня обволакивало спокойствие. На столе уже стоял самовар. Я вспомнил, что с утра ничего не ел, и набросился на еду. Чай с травами и примесями был ароматен. Пирожки таяли во рту. Хозяйшка прекрасно готовила.

– Ты похудел, – оценила она мой внешний вид. – На тебе лица нет.

– Худое лицо – это не страшно. Главное его не потерять, – горько усмехнулся я.

У нас было негласное правило – она не лезет в мои служебные дела. Но сегодня не выдержала:

– Ермолай, извини. Но мне больше некого спросить. Что с профессором Корниенко?

– Дело «Литературного кружка»?

– Да. Мы все волнуемся.

Антонина уже три года преподавала математику в областном университете и на рабфаке. Профессора Корниенко знала хорошо и уважала за преданность профессии и добрый нрав. Его

вообще все уважали и носили на руках – и коллеги, и студенты. Может, поэтому он потерял ощущение реальности и сбился с курса.

– Меня не допускают к делу, – пояснил я. – Его ведет наш главный следователь Грац.

– Но ты же начальник!

– Это НКВД, дорогая. Лезть в чужие дела – отличный способ переехать из начальственного кабинета в подвал с зарешеченными окнами.

– Кому помешал литературный кружок?

– Антонина, не будь ребенком. Литература – штука опасная. Она может завести далеко. Сначала Пушкин с его лишними людьми. Потом Достоевский с его Раскольниковым и братьями Карамазовыми. И вот уже птенцы вашего профессора декламируют: «Мы живем, под собою не чуя страны». Знаешь, есть такой паскудный стишок поэта Мандельштама, где он Сталина мажет злобно грязью. И получается не литература, а лучшие традиции русского вольнодумства. И вот уже ваши кружковцы прикидывают, как они будут советский строй менять.

– Ну это же детский максимализм!

– Ну да, идеи искать оружие и приступать к террору – всего лишь максимализм. А профессор считает, что молодежь так самовыражается.

– Юношеский порыв. Огонь гнилушек принимают за звезды. Все, у кого есть сердце и ум, прошли в юности через это желание изменить все.

– Пускай мебель меняют в своей комнате, а не общественный строй. Мало того, что они балабонили о возвращении от коммунизма неправильного, сталинского, к коммунизму правильному, ленинскому. Они еще и переписывались с такими же юными балбесами. Планов своих громадьё аж до Ленинграда и Пскова донесли. Вот тебе и межрегиональная антисоветская группа. Хорошо, в Берлин не написали. Была бы международная.

– Мальчишки. Им нравится ощущать свое влияние на мир.

– Вот именно. Молодые тупые экстремисты-идеалисты. Только они одни знают, как Россию обустроить. Такие юнцы под мудрым руководством старших наставников вполне способны раздолбать на кусочки страну, где нет развитой системы государственной безопасности. Вон левые эсеры-террористы из таких идеалистов были. До сих пор нам икается их индивидуальный террор. Вся их беда – в силу молодости они невежественные дураки. Побьют в самонадеянном веселье всю посуду и мебель в доме. И удивляются потом, почему они не в царстве света, а заперты в выгребной яме, голодные, злые, завшивленные. И ошастливленный ими народ их же готовится пустить на компост.

Антонина не ответила, но в глазах появились слезы. Переживает. А зря. Это сегодня непозволительная роскошь – переживать.

– И дело даже не в том, что эти знатоки мировой литературы зашли далеко. Они умудрились сделать это именно сейчас. Во времена, когда не прощают.

Я отхлебнул начавший уже остывать чай.

– Шесть лет назад в Нижнем Новгороде я накрыл похожую шайку-лейку. Тоже собирались советскую власть свергать. Пацаны-студенты из номенклатурных семей. Свез я их к нам в ОГПУ. Прочистил мозги. Раздал тумачков. Подержал для пущего драматизма в холодной камере. Дал предупреждения под подпись. И нет контрреволюционной организации. Сегодня же время другое. Спуску не дадут.

– А какое такое время?!

– Бескомпромиссное.

– И за что нам это?!

– Исторический процесс. Остановить его – это как бодаться с разогнавшимся паровозом. Одно мокрое пятно на рельсах и останется.

– И что же за такой процесс неожиданно вылез? – саркастически скривилась Антонина. – Что сейчас такого нового, чего не было раньше?

– Хочешь мое мнение знать? – усмехнулся я. – Тогда слушай, что старый чекист бессонными ночами надумал. Видится мне следующее. Царя и временное правительство свержали люди неистовые и идейные. А так как идеи были у всех у них разные, то и тянули они одеяло при управлении новым государством в разные стороны. Гражданскую войну благодаря поддержке народа выиграли. Но не смогли преодолеть раздвиг революционных, а потом и мутных нэпманских времен с возвращением в экономику частного капитала, а значит, мздоимства и разложения. Такая ситуация не давала стране двигаться вперед и грозила ее существованию. По всем историческим законам должен появиться единоличный сильный лидер.

– Твой Сталин.

– И твой тоже. Наш. Народный.

– Как по передовице говоришь.

– Передовицы не всегда пустые. Иногда в них суть... Появление единоличного лидера после революционных бурь всегда омывается кровью. Иначе не бывает.

– Даже если это кровь заблудших мальчишек?

– Тоня. Может, мы и поступаем с этими молокососами зло. Но, к сожалению, это зло необходимое.

– Ты в молодости был другим? Не хотел изменить все и сразу? – с вызовом спросила она.

– Э, я из станицы Прохоровская. Там вольнодумцев по решению стариков незатейливо, позорно и больно пороли на площади.

– И тебя? – в глазах Тони появился интерес.

– Случалось парочку раз. Но мы тогда все были за веру, царя и Отечество. Я убежал из дома, когда началась Первая мировая. Добровольцем.

Да уж. Я тогда был восторженным патриотом. И мечтал: вот сейчас побьем немцев – и будет нам счастье... Побьем беляков – и будет нам счастье... Так и бьем в надежде на счастье. Великая иллюзия, которая движет человечеством не одну тысячу лет...

Антонина подлила мне горячего чая, и я с благодарностью кивнул.

Мысли мои вернулись к последним событиям. К Константину Великопольскому. Как заноза, ей богу, застрял в сознании. Что с ним делать? Как же мне сейчас нужны совет и поддержка! С Антониной поговорить? Втянуть ее в свои дела? И услышать только то, что к людям надо быть добрым и прощать?

Фадей, старый друг и сподвижник во всех делах, тоже не советчик. Так уж повелось с давних времен, что в вопросах морального выбора больше он полагается на мое мнение, чем я на его.

А мой старый друг Летчик? Вот у него есть свойство всегда попадать в точку. Мудрый матерый филин.

Ну что ж. Все равно на днях собирался к нему заскочить. Если только дела позволят...

Глава 12

А дела опять закрутили меня в нескончаемом водовороте. Я подгонял оперативников, переключив максимум людей на раскрытие ограбления кассиров леспромхоза. Ведь ясно же, что одним нападением дело не ограничится. Где-то шастают кулацкие недобитки с обрезам. И зачем мы все нужны с нашими разросшимися правоохранительными структурами, добровольными помощниками, экспертизами и техникой, если не сможем их вытащить за ушко да на солнышко?

Из картотек оперативники извлекали данные на раскулаченных и прочих асоциальных и антисоветских элементов. Показывали начинавшей приходить в себя потерпевшей. И женщина всякий раз кивала:

– Похож. Но вроде не он...

Перетряхнули весь леспромхоз, даже кого-то для острастки посадили в камеру – все без толку. Агентам и осведомителям даны соответствующие задания и поручения. Общественность подключена. Участковые проверяют контингент, с доверенными лицами обходят жилой сектор, интересуясь каждым приезжающим и отъезжающим. Но у нас слишком многолюдная область. Полно городов, городишек, где можно затеряться. Не говоря уж о лесах.

В Лебедянском районе уголовный розыск накрыл воровскую малину в исконно бандитском месте.

Руководил операцией начальник областного розыска Афанасьев. На окраине заводского поселка Красный Пролетарий оперативники подобрались ночью к хате, где обычно собирался всякий сброд. Прислушались. Вроде тихо.

Тут до ветру спустился по ступенькам бородатый пузан, потягиваясь, зевая и добродушно матерясь. Это был хозяин дома, а заодно и содержатель притона. Атлетического сложения оперативник так приглубил его по голове кулаком, что тот, даже не пискнув для приличия, кулем рухнул на землю.

Афанасьев зажег фонарь, дал отмашку:

– Пошли!

И первым рванулся в дверной проем.

Как только он появился на пороге просторного помещения, так прямо на огонек фонаря по нему и шмальнули из пистолета. Тупой удар в бок – и все поплыло перед его глазами. Но он успел нажать на спусковой крючок, прежде чем рухнул на дощатый заплеванный пол.

А дальше – пальба со всех стволов. Грохот. Пороховой дым.

Когда дым развеялся, выяснилось, что и переговорить по душам тут уже не с кем. На полу лежали два безжизненных бандитских тела. И потерявший сознание начальник уголовного розыска.

К счастью, ранили его неопасно. Пуля не задела жизненно важных органов.

– Не родилась еще бандитская тварь, которая меня завалит! – хорохорился Афанасьев, к которому я заглянул в наш госпиталь.

Злился он, что от пустячной раны грохнулся в обморок как красна девица. И поэтому был воинственен.

– А шрамы – одним больше, одним меньше... – махнул он рукой.

– Ты молодец, – кивнул я. – Одного успел положить.

– Но как подставился!.. Кто они? Почему сразу стреляли? Установили это?

– Установили. На малине той коротали время двое беглых из Воркуты. На них кровь конвоира. И живыми они сдаваться не собирались.

– Знал бы такое дело, сразу бы им гранату в окошко бросил.

– А у тебя есть? – заинтересовался я, поскольку граната никак не входила в число штатного вооружения угро.

– Эх, чего только у начальника розыска нет... А к нападавшим на леспромхоз их примерили?

– Примерили, – кивнул я.

Я сперва обрадовался, что эти беглые и есть наши неуловимые лиходеи. Ничего подобного. По описанию не подходят. Да и алиби у них нарисовалось.

– Мимо, – вздохнул я. – Не они.

– Да где же эти недобитки хоронятся?! – воскликнул начальник угрозыска. – Не, как хотите, Ермолай Платонович. А я завтра выхожу на работу. На мне как на собаке зарастает.

– Это врачу решать.

– Врач – человек подневольный. Его клятва Гиппократов давит. Ему опера не понять.

Афанасьев, как и обещал, ускакал из госпиталя и развил бурную деятельность. Но безрезультатно. Налетчики как в воду канули. Может, вообще намылились из области? Тогда ищисвищи неизвестно кого и неизвестно где. Одна надежда, если те на просторах Союза случайно попадутся в руки НКВД и расколются или на воровской малине лишнего наговорят...

Решив на несколько минут перевести дух, в комнате отдыха за своим кабинетом я поставил на примус турку с кофе. Вдохнул с наслаждением аромат. Повернулся к зеркалу. Глянул на себя.

Из зеркала на меня смотрел среднего роста, плотный кабанчик – плечи крутые, щеки румяные, голова лысая, как у Котовского. После тифозного барака волосы сильно поредели, да и привычка брить голову наголо осталась. Из-за навалившейся в первой декаде июня на город душной жары пришлось сменить строгий костюм на холщовые брюки и легкую белую косоворотку. В такой одежде по виду я чистый председатель сельсовета. Который коровам строго так вещает: «Удвой удой, утрой удой, не то пойдешь ты на убой!» М-да, мысли сегодня в голову лезут какие-то странные.

Я вернулся с фарфоровой чашкой кофе за рабочий стол. Только отхлебнул глоток, как появился Фадей с грудой папок. Меня ожидал бумажный день. И сегодня у меня на подпись совершенно неприличное количество документов.

Он положил передо мной папку и отказался от кофе:

– Барские забавы.

И запыхтел своей терпкой самокруткой. Папирос и сигарет он принципиально не признавал. Сам скручивал убойный едкий табак и засовывал самокрутки в дарственный позолоченный портсигар от самого Фрунзе. Мне известно, что у него имелся еще именной портсигар от Троцкого, который он благоразумно запрятал подальше и никому не показывал.

– На этот запрос из наркомата даже не знаю, что и ответить, – ткнул Фадей пальцем в очередной документ. – Извернулся как мог, поиграл словами. Но не знаю...

– Сойдет, – я поставил подпись.

Ставил свои закорючки я почти не глядя. В лице Фадея из лихого казацкого рубаки расцвел махровый бюрократ. Он мог ответить на любую бумагу, составить любой план. И фактически делал за меня всю ненавидимую мной бумажную работу. И доверял я ему полностью.

После обеда я махнул ему рукой:

– Остаешься за меня на хозяйстве. А я в аэроклуб.

– К Летчику на крюшон, – кивнул Фадей.

– Точно. Часа через два буду. Спросят – я на встрече с агентом.

Встреча с агентурой для оперативника – это дело святое. Тут вопросов никаких быть не может. Хотя для начальника Управления Гаевского не святое. Он не оперативник. Он политик и бюрократ. Правда, в этих ипостасях неплох...

Глава 13

Засушливое лето 1919 года. Выжженная солнцем степь, где постоем стоял мой особый эскадрон.

Я отдыхал в палатке после ночного рейда, и тут бойцы забегали, зашумели, загалдели. Послышался стрекот – странный, не похожий на выстрелы, но явно механический.

Выйдя наружу, я увидел, как на потрескавшуюся от жары землю садится хлипкий аэроплан. Красиво сел. Картинно. Проехался по земле и застыл.

Для меня, прошедшего Первую мировую, это вещь привычная. А многие красноармейцы из станичников и крестьян застыли, раскрыв рот. Или радостно загалдели. Или истово крестились.

Из кабины легко выпрыгнул летчик. Он был невысокий, поджарый, как и положено летуну – самолеты тогда не любили пилотов с большим весом. На вид – совсем мальчишка, с тонким лицом и аккуратными усиками.

Он поправил кожаную куртку, картинно приставил ладонь в воинском приветствии к кожаному шлему и представился:

– Военлет Соболев, особая эскадрилья штаба армии!

– А я Ремизов. Особый эскадрон штаба армии. Звучит похоже.

Только у меня в эскадроне было множество проверенного личного состава, вооружения и лошадей. А особая эскадрилья пока состояла из одного Соболева и его верного самолета, на котором он недавно перелетел к нам от беляков, из так называемых Вооруженных сил юга России. У тех с самолетами куда богаче было – почти семьдесят штук.

Соболев провоевал год на Первой мировой. После революции очутился в Париже. Там его и нашли англичане, набиравшие летчиков для борьбы с большевиками на стороне белой армии. По принципу: «машины – наши, кровь – ваша».

– Ты же дворянин. Чего на нашу сторону решил перейти? – спрашивал я военлета, когда принял от него срочный пакет из штаба и потчевал чем бог послал в командирской палатке.

– Так белые русский народ в стойло как скотину хотят поставить. И англичанам да лягушатникам дать Россию разорвать на части. Это я четко понял, повоевав. Вы же вроде как за народ. И я за народ. Так что договоримся.

Не раз мы еще встречались на войне. Он был бесшабашно смел и как заговорен. Сколько же он белякам крови попортил! Сбил три их самолета. Разведданные такие приносил, что красные командиры на него молились. Такая заноза был у белых. Те и лазутчиков, и целые отряды посылали, чтобы уничтожить «Фарман» и его пилота. И награду за голову объявляли. А он выжил всем смертям назло.

Потом Соболев стоял у истоков советской авиации. Помогал создавать боевые части. Испытывал первые советские самолеты, был знаком со всеми известными асами. Однажды при посадке сильно поломался, так что с серьезной испытательной работой пришлось расстаться. Но это как с жизнью для него попрощаться. Без неба он себя не мыслил. Вот и оказался здесь в качестве начальника аэроклуба.

– День добрый, Всеслав Никитич, – произнес я, зайдя в дощатый домик, служивший штабным помещением аэродрома.

Простенький стол и лавка из досок. Пара стульев. Книжные полки и шкаф с документами. На стене плакат – летчик на фоне аэроплана и башен Кремля сурово спрашивает: «А что ты сделал для международных перелетов Авиахима?»

– Ну, присаживайся, что ли, – Летчик пожал мою руку и кивнул на лавку.

Да, теперь это не худенький мальчишка, а округлившийся ветеран. И усы куда более пышные. А задор и понимание в глазах все те же. И по-прежнему от его черных волос шарахалась седина.

Я пристроился на стуле около широкого подоконника, заваленного журналами «Гражданская авиация» и брошюрами по летно-технической работе.

В окно было видно летное поле. По его краю шли деревянные аэродромные строения. Аэроклуб Осоавиахим – это важнейшее звено в подготовке летного состава для растущих военно-воздушных сил Союза. Ребята из школ и ФЗУ с восторгом в свободное время осваивали тут азы пилотирования на маленьких, несуразных, но бойких и крепких учебных этажерках «У-2». Вон, три стоят в ряд. Такие небесные мотоциклы на двух человек – инструктора и курсанта. Еще один самолет заруливал на взлет.

– Попробуй. Новый рецепт, – Летчик серебряным половником зачерпнул содержимое большой стеклянной крушонницы, наполнил фаянсовую кружку, пододвинул ко мне.

К крушонам и компотам он пристрастился, когда завязал с алкоголем, коим здорово злоупотреблял после увольнения с летной службы. Воспрял духом, только получив аэроклуб. Теперь вечно трезв и готовит затейливые, с различными добавками, безалкогольные напитки. И щедро угощает дорогих гостей.

Я отхлебнул и кивнул:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.